

ДЕМОНСТРАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ

Уважаемый читатель!

Если вас интересует приобретение полной (электронной или печатной) версии книги, предлагаем вам связаться по всем вопросам с нашим менеджером по продажам Юлией:

т.ф./WhatsApp +7(914) 626 22-99;

E-mail: JuliaVakhrina@mail.ru

Благодарим вас за интерес к нашим книгам.

Редакция сайта «Камчадалы.ру»

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

**БРАТЯ
ГОСУДАРЫНИ-НЕВЕСТЫ**

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович

В22

Братья государыни-невесты. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 64 с. (Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).

ISBN 978-5-4386-1448-7

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

Князья Долгоруковы сыграли в истории России исключительную по важности роль. Правда, обычно путают князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы, с князьями Долгоруковыми и Долгорукими, которые, если и были родственниками — Рюриковичами — то весьма и весьма отдаленными.

В «Записках князя Петра Долгорукова» истории рода отведено всего две строчки: «Я не буду рассказывать здесь о генеалогии своей семьи: всем известно, что она очень древняя и восходит к Рюрику».

Но это несколько не так. Да, происходят Долгоруковы от Рюрика — это аксиома, от черниговской ветви династии, а именно — от князей Оболенских.

Долгоруковы — самая младшая ветвь рода князей Оболенских, которой по всем канонам местнического права, существовавшего в России до конца XVII столетия, уготована была роль «поскребышей» истории — занимать только те места в верховной иерархии, которые не могли занять представители старших семейных ветвей этого рода и только когда эти места освобождались для их младших собратьев.

Князья Оболенские первыми в истории России создали олигархическое правительство семейного клана Оболенских, используя влияние на вдову великого князя Василия III Елену Глинскую ее фаворита и биологического отца наследника престола князя Оболенского-Телепнева.

Именно Оболенские, используя свое влияние на правительницу и военную мощь своих дружин, совершили два

государственных переворота того времени, лишив права на престол его законных наследников — удельных князей, родных братьев великого князя Василия III, Юрия Дмитриевского и Андрея Старицкого, освободив трон для правительницы, которая была под их прямым влиянием.

Князья Оболенские были самым многочисленным и самым влиятельным семейным кланом того времени. И даже после того, как бояре-заговорщики отравили правительницу Елену Глинскую и уморили в тюрьме ее любовника и соправителя князя Оболенского-Телепнева, Оболенские играли исключительную роль в государстве, занимая важнейшие посты.

Семейный внутренний переворот произошел во время Опричного террора, когда по приказу Ивана Грозного (с подачи бояр Захарьиных, устранявших своих политических конкурентов) были казнены многие из старших ветвей князей Оболенских, входивших в политическую элиту той кровавой эпохи.

И места старших, сложивших на плахе свои головы, заняли в Боярской Думе, на высоких государственных постах, в соответствии с законами о местничестве, младшие из князей Оболенских — князя Долгоруковы и князя Щербатовы.

И потому понятна следующая роль представителей этого рода в одном из важнейших исторических событий конца XVII столетия: *«Сын Юрия (князя Юрия Алексеевича Долгорукова — С. В.), боярин князь Михаил, был одним из тех, кто наиболее горячо ратовал за упразднение наиболее мрачных обычаев, существовавших испокон веков на Руси, за отмену местничества, то есть того распространенного обычая, в силу которого никто, даже во время войны, не мог быть в подчинении у того, чей отец был когда-то под началом отца данного лица. Старшинство основывалось на разрядных книгах, что приводило к постоянным распрям и лежало*

в основе часто случавшихся военных поражений. Князь Михаил был одним из главных участников и свидетелей того аутодафе 12 января 1682 года, когда были сожжены официальные разрядные книги, и местничество было объявлено уничтоженным».

И теперь, чтобы занять ближайшее место к трону, необходимо были либо заслужить его, либо выслужиться, либо породниться с семьей царствующего Дома Романовых.

Князя Долгоруковы избрали для своего пути к карьере царедворцев все три дороги.

Самой трудной, недостижимой в течение столетий, оказалась именно последняя, которая многими другими (и древними, и юными) родами преодолевалась достаточно легко.

Но у Долгоруковых не заладилось с самого начала: «... *после своего возвращения в Россию Филарет Романов решил женить своего сына, царя Михаила, на особе знатного рода, и его выбор выпал на княжну Марию Долгорукову, дочь боярина Владимира Тимофеевича. Прочие знатные семьи с завистью взирали на этот выбор. Молодую царицу отравили: она заболела на следующий же день после свадьбы, 20 сентября 1624 года, и угасла 7 января 1625 года, после 3,5 месяца агонии*».

Выбор Филарета был понятен — Владимир Тимофеевич предложил его кандидатуру в цари еще в 1610 году сразу после свержения царя Василия Шуйского (то есть этот князь Долгоруков представлял интересы «тушинского воровского лагеря» Романовых).

Князь Владимир Тимофеевич сразу после смерти дочери — супруги царя Михаила — потерял свое значение при дворе и был отправлен воеводой в Вологду. «Русский биографический словарь» сообщает подробности: «*Князь Владимир Тимофеевич так был огорчен смертью дочери-царицы, что заперся в своем доме, долго оставался в полном уединении, покинул все дела и постепенно впал в тихое помешательство. Так он прожил восемь лет и скончался в 1633 г.*».

После смерти князя эта ветвь Долгоруковых по мужской линии угасла.

Первая дорога оказалась не менее сложной, хотя, казалось бы, служить Вере, Царю и Отечеству — священный долг каждого русского дворянина. Но среди Долгоруковых и всех прочих русских князей нашелся всего один, который служил верой и правдой: *«Князь Яков Федорович Долгоруков, сенатор при Петре I, прославился своей смелостью, с которой он всегда говорил правду государю, хотя мы знаем, как трудно и опасно было исполнять перед государем этот долг».*

Яков Федорович тоже не оставил наследников.

Остальные Долгоруковы избрали для продвижения своей карьеры тот путь, по которому пошло и большинство царедворцев в XVIII столетии, и который оказался самым результативным: можно было не только выйти в «дамки», но и превратиться из пешки в ферзя.

Вот один из ярких примеров, которые приводит в своих «Записках» князь Петр Владимирович Долгоруков: *«Князь Василий Лукич, племянник князя Якова, прославившегося неустрашимой прямоотой своего характера и смелой, даже дерзкой твердостью, с каковой он говорил правду Петру I, этот князь Василий Лукич ни в чем не унаследовал прямооту характера своего дяди. Но он был необыкновенно умен: это был тонкий дипломат, и никто лучше его не умел вести переговоры. Будучи в ранней юности секретарем русского посольства при дворе Людовика XIV, он видел Версаль и его роскошь, скрывавшую столько низостей. Будучи самым галантным из русских вельмож, он обнаруживал в себе привычки, тон и манеры французского двора. Но со всем тем французская испорченность коснулась и его тоже. Петр I, который хорошо разбирался в людях, поручал ему самые деликатные переговоры... На него возлагались и самые интимные поручения при Курляндском дворе. Во Франции он познакомился с иезуитами и был поражен их глубокой и разносторонней образованностью. Он сблизился*

с ними и обещал не только способствовать их проникновению в Россию, но и распространению их влияния при условии, что они помогут ему войти в силу и будут и дальше его поддерживать».

Князь Василий Лукич Долгоруков

Но судьбоносным для династии стал случай — вице-канцлеру Остерману, смертельным врагом которого был сиятельнейший князь Меншиков, нужен был молодой человек, который бы стал реальной альтернативой при дворе императора Петра II молодому князю Меншикову, приставленному отцом к императору, чтобы быть «глазами и ушами» Александра Даниловича, который возвел молодого Петра на трон, чтобы женить его на своей дочери и, породнившись с Романовыми, стать самому правителем страны.

Хитрый Остерман решил переиграть князя Меншикова, воспользовавшись болезнью последнего. И, как известно, это ему удалось с лихвой — Меншиков был сослан в Березов, в Сибирь, где и умер.

Иван Алексеевич Долгоруков

«Князь Иван — писал Петр Владимирович Долгоруков о своем родственнике, — был красивым молодым мужчиной, высоким, стройным, хорошо сложенным. Он отличался умом живым, но несколько поверхностным и легковесным. Князь имел характер ветреный и при полном отсутствии моральных устоев был склонен к удовольствиям. Он провел свое детство в Варшаве, в доме своего деда Григория Долгорукова, опытного дипломата, который с успехом представлял Россию при дворе того самого Августа II, о котором говорили: “Когда Август пьет, вся Польша во хмелю”. Гувернером у Ивана Долгорукова был почтенный человек, некто Фик, но из всей образованности князь Иван воспринял только внешний лоск. Как и все поколение, родившееся при Петре I, он был пропитан традиционным раболепием и безнравственностью, свойственными русскому двору того времени. Словом, князь Иван, несмотря на свой природный ум, был ничтожным человеком, испорченным до мозга костей. Его неограниченное влияние на молодого государя делало его, можно сказать, вершителем судеб России. И как же он этим воспользовался?»

Важнейшие дела, как внутренние, так и внешние, с момента восшествия на престол Петра II, сосредоточились в руках Верховного тайного совета, в который входило семь человек: герцог Голишинский — зять императрицы, предок правящего нынче дома, пьяница, лишенный всякого здравого рассудка; Меншиков; генерал-адмирал граф Апраксин (брат второй жены царя Федора Алексеевича Марфы — С. В.); канцлер граф Головкин (родственник Натальи Кирилловны Нарышкиной — С. В.); вице-канцлер барон Остерман; граф Толстой (руководивший следствием по делу царевича Алексея Петровича — С. В.) и князь Дмитрий Михайлович Голицын.

...После ссылки Толстого и Меншикова и отъезда из России герцога Голишинского, Верховный тайный совет состоял

всего из 4 человек. После торжественного вступления в Москву прибывшего для коронации Петра II были назначены два новых члена: два Долгоруковых — Алексей, отец фаворита, и Василий Лукич, о котором я уже рассказывал.

Князь Алексей Григорьевич Долгоруков, старший сын знаменитого дипломата князя Григория Федоровича и племянник прославленного князя Якова, не унаследовал ни талантов, ни возвышенного ума своего отца, ни выдающейся преданности государю, отличавшей его уважаемого дядюшку. Он отличался умом ограниченным, был упрям, полон тщеславия, имел вульгарные манеры, а перед вельможами был угодлив до рабской услужливости. Он был одержим безграничной и неуполимой гордыней с того самого дня, когда у него в руках оказалась власть. Бесстыдный лихоимец, он простирал свою низость до того, что завидовал милостям, оказанным его собственному сыну. Он соединял в себе все пороки и не имел ни одной добродетели.

Кроме князя Ивана, у него было еще три сына — Николай, в возрасте 15 лет, и еще подростки Алексей и Александр. Все трое так и остались пустыми, никчемными людьми».

В ноябре 1728 года после смерти генерал-адмирала Апраксина Верховный тайный совет пополнился еще одним Долгоруковым — князем Михаилом Владимировичем, генерал-губернатором Сибири. Его брат — князь Владимир Васильевич Долгоруков (крестный отец царевны Елизаветы Петровны) — был фельдмаршалом, которого возвел в этот воинский чин император Петр II за преданность отцу — казненному царевичу Алексею Петровичу. Этот Владимир Васильевич был вторым исключением из правил того времени: он *«отличался чрезвычайной честностью, а кроме того славился прямою характером. Он совсем не был похож на придворного, ибо не только никогда не лгал, но даже никогда не скрывал своего мнения.*

Его правдивость и откровенность вошли в поговорку. Он говорил правду всем и всегда. Это являлось главной причиной его постоянных несчастий, но отсюда же проистекало и то уважение потомства, которого он удостоился вполне правомочно. Он был человеком невысокого ума, но, как и князь Яков Долгоруков, как и собственный его племянник князь Долгоруков-Крымский, по самому складу своему был героем» (П. В. Долгоруков).

Долгоруковы настолько плотным кольцом обложили молодого императора, что он, в буквальном смысле, не мог без них и шагу ступить.

Все свободное время было посвящено охоте. Подсчитано, что с февраля 1728 по ноябрь 1729 года 243 дня император провел на большой охоте, а остальные дни на охоте малой (по два-три дня).

Страной, разумеется, в отсутствие императора управлял семейный клан Долгоруковых, упиваясь неожиданно выпавшей на их долю верховной властью.

«Князь Иван не всегда сопровождал своего государя на охоту; ему случалось оставаться в Москве, и в это время он предавался самым разнузданным и отвратительным развлечениям. По ночам, окруженный шайкой вооруженных негодяев, он проносился верхом по столичным улицам; силой врывается в частные дома, бесчестил женщин и девиц, и никто не смел оказать ему сопротивления или подать жалобу на фаворита императора!»

Когда 22 ноября 1728 года умерла сестра императора — великая княгиня Наталья, имевшая на брата большое влияние, Долгоруковы решились на тот же шаг, что и сиятельнейший князь Александр Данилович Меншиков, чтобы самостоятельно править этой огромной и богатой (несмотря на обилие нищих) страной: они решили женить императора на княжне Долгоруковой.

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

БРАТЬЯ
ГОСУДАРЫНИ-НЕВЕСТЫ

ООО «Свое издательство»

199053, Санкт-Петербург,

ул. Репина, 41

(812) 900-21-45

isvove.ru

editor@isvove.ru

Заказ № 1914

Подписан в печать 03.12.2017

Тираж 100 экз.